

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ГЛАВНЫЙ МЕГАТРЕНД В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДРАЙВЕРЫ, ИНСТИТУТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научная статья

К.Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Центр исследований постсоветских стран
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2771-1817
E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru*

А.З. Рахмонов

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0001-5549-1471
E-mail: 55abdusamad@mail.ru*

В статье исследуется феномен регионализации в Центральной Азии, рассматриваемый авторами в качестве главного мегатренда, определяющего динамику развития 5 государств региона на современном этапе. Опираясь на теоретический синтез неореализма и конструктивизма, а также на теорию региональных комплексов безопасности, работа предлагает комплексный анализ причин, институциональных форм и перспектив активизации многостороннего сотрудничества в Центральной Азии с середины 2010-х гг. Особое внимание уделяется факторам, побудившим республики региона к пересмотру внешнеполитических стратегий и переходу к практической кооперации. Среди ключевых драйверов выделяются осознание общности трансграничных вызовов в сферах безопасности и логистики, а также потребность в укреплении коллективной субъектности перед лицом растущего внимания внешних держав. Прослеживается институциональная эволюция регионального диалога, формирующего долгосрочный каркас взаимодействия. Анализируются противоречия и ограничения, с которыми сталкиваются интеграционные процессы. Рассматриваются две концептуальные позиции относительно перспектив формирования самостоятельной региональной подсистемы: структурно-реалистская, настаивающая на необходимости наличия ядра, и альтернативная, допускающая возможность консенсусного объединения при отсутствии явного лидера. Авторы приходят к выводу, что специфика центрально-азиатской регионализации заключается в ее имманентном характере, опирающемся на исторический опыт сосуществования народов и цивилизационную близость. Важное место в работе занимает анализ многовекторной внешней политики государств региона, рассматриваемой не как конъюнктурный инструмент, а как осознанная стратегия, направленная на формирование предсказуемой атмосферы во взаимоотношениях с внешними державами. Подчеркивается, что при развитии собственных интеграционных инициатив государства Центральной Азии исходят из необходимости их органичной сопряженности с более широкими евразийскими процессами. На основе анализа экономических показателей – трехкратного роста взаимной торговли, увеличения доли несырьевых товаров, активизации взаимных инвестиций – делается вывод о формировании устойчивого вектора регионализации. При этом отмечается, что механическое заимствование моделей ЕС или АСЕАН едва ли продуктивно. Более вероятным представляется постепенное формирование собственной интеграционной модели, отвечающей практическим потребностям и особенностям региона.

Ключевые слова: мегатренд, регионализация, интеграция, Центральная Азия, подсистема, центрально-азиатская подсистема, тенденция, тренд, региональная подсистема, великая держава, Россия, Китай, ЕС, АСЕАН.

Для цитирования: Рахимов К.Х., Рахмонов А.З. Регионализация как главный мегатренд в Центральной Азии: драйверы, институты и перспективы // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 3. С. 304–323.

REGIONALIZATION AS A KEY MEGATREND IN CENTRAL ASIA: DRIVERS, INSTITUTIONS AND PROSPECTS

Research article

K.Kh. Rakhimov

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Center for Post-Soviet Studies
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2771-1817
E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru*

A.Z. Rahmonov

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0001-5549-1471
E-mail: 55abdusamad@mail.ru*

The article examines the phenomenon of regionalization in Central Asia, viewed by the authors as the primary megatrend shaping the developmental dynamics of the region's five states at the current stage. Drawing on a theoretical synthesis of neorealism and constructivism, as well as the theory of regional security complexes, the work offers a comprehensive analysis of the causes, institutional forms, and prospects for the intensification of multilateral cooperation in Central Asia since the mid-2010s. Particular attention is paid to the factors that prompted the republics of the region to reconsider their foreign policy strategies and transition towards practical cooperation. Key drivers identified include the recognition of shared transboundary challenges in the spheres of security and logistics, as well as the need to strengthen collective subjectivity in the face of growing attention from external powers. The study traces the institutional evolution of regional dialogue, which is forming a long-term framework for interaction. A separate section is devoted to analyzing the contradictions and limitations facing integration processes. Two conceptual positions regarding the prospects for forming an independent regional subsystem are considered: the structural-realist one, which insists on the necessity of a core, and the alternative one, which allows for the possibility of consensus-based unification in the absence of an explicit leader. The authors conclude that the specificity of Central Asian regionalization lies in its immanent character, rooted in the historical experience of coexistence among its peoples and their civilizational proximity. An important place in the work is occupied by the analysis of the multi-vector foreign policy of the region's states, viewed not as an opportunistic tool but as a deliberate strategy aimed at fostering a predictable atmosphere in relations with external powers. It is emphasized that in developing their own integration initiatives, the states of Central Asia proceed from the need for their organic alignment with broader Eurasian processes. Based on an analysis of economic indicators – a threefold increase in mutual trade, a growing share of non-commodity goods, and heightened mutual investment – a conclusion is drawn about the formation of a sustainable vector of regionalization. It is noted, how-

ever, that mechanically borrowing the models of the EU or ASEAN is hardly productive. More likely appears to be the gradual formation of a distinct integration model tailored to the practical needs and specific characteristics of the region.

Key words: *megatrend, regionalization, integration, Central Asia, subsystem, Central Asian subsystem, tendency, trend, regional subsystem, great power, Russia, China, EU, ASEAN.*

For citation: *Rakhimov K.Kh., Rakhmonov A.Z. Regionalization as a Key Megatrend in Central Asia: Drivers, Institutions, and Prospects // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 3. P. 304–323. (In Russ.)*

Различные этапы развития международных отношений имеют между собой как общие черты, так и структурные особенности, которые отличают их друг от друга [Waltz, 1979: 79–129]. Одним из общих знаменателей можно считать наличие глобальных трендов, выступающих двигателем того или иного исторического периода. Природа этих детерминант носит преимущественно эксплицитный характер, однако в силу масштабности и сложности происходящих изменений они не всегда попадают в фокус академического анализа и могут оставаться на периферии научного поля зрения. Тем не менее сложность идентификации их природы и характера не уменьшает научной ценности их изучения для понимания логики международных и региональных процессов.

Принято считать, что содержательное наполнение современных магистральных тенденций отличается сложностью и многообразием [Singh, 2012: 16–31]. Мировое научно-экспертное сообщество обращает внимание на глубокие демографические сдвиги, включающие как рост населения в развивающихся регионах, так и старение наций в развитых странах, что в итоге влечет за собой трансформацию рынков труда и миграционных потоков [Антонов, Карпова, 2025]. Стремительное распространение технологий искусственного интеллекта и цифровизация социально-экономических процессов [Головенчик, Ковалев, 2025] меняют не только модели производства и коммуникации, но и саму природу управления, безопасности и международной конкуренции [Истомин, 2020: 7–52]. Также трансформируются рядоформирующие тренды и подсистемная организация мира, выражаясь в постепенном формировании многополярного по-

лицентричного мирового порядка [Шаклеина, 2024: 37–61]. Представляется, что совокупность этих процессов формирует тот самый фон, на котором разворачиваются региональные политические и экономические трансформации.

В связи с возрастающим интересом к осмыслению данных тенденций в научной среде сформировался специальный категориальный и понятийный аппарат, позволяющий не только идентифицировать подобные явления, но и выявить их иерархию. В современном академическом дискурсе ученые-международники используют термин «мегатренды» для обозначения глобальных трендов междисциплинарного характера, в отличие от узкоспецифичных явлений. В рамках настоящей работы под мегатрендами преимущественно понимаются крупномасштабные долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы [Шаклеина, Байков, 2022: 13–14].

Содержание понятия «мегатренд» претерпело значительную эволюцию с момента его введения в научный оборот американским исследователем Дж. Нейсбитом в 1980-х гг. [Naisbitt, 1982]. В оригинальной трактовке Дж. Нейсбит анализировал тренды, существовавшие внутри США, которые, по его мнению, имели решающее значение для формирования дизайна общественно-политической структуры американского общества. Сейчас термин приобрел глобальное измерение и междисциплинарный характер. Термин широко находит отражение в растущем корпусе исследований и научных трудов, посвященных данной проблематике.

Российские исследователи, активно участвуя в этих дискуссиях, также внесли

свой вклад в развитие этой тематики. Авторитетные ученые М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев, [Ильин, Иноземцев, 2001], Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, [Шаклеина, Байков, 2022] и М.М. Лебедева [Лебедева, 2019: 29–37], анализируя влияние глобальных тенденций, существенно продвинули понимание сущности мегатрендов и их значения для развития общества.

Так, например, профессор Т.А. Шаклеина отмечает, что в условиях современных глобальных процессов формирование нового мирового порядка выступает в качестве центрального мегатренда, а другие тренды преимущественно являются производными от него. Развивая данную логику, считается продуктивным обратиться к концептуальным наработкам ученой М.М. Лебедевой, которая предлагает рассматривать мегатренды не как изолированные тренды, а, напротив, как систему взаимосвязанных и волнообразных процессов. Исследователь выделяет три ключевых мегатренда современной мировой политики: глобализацию, демократизацию и интеграцию, подчеркивая, что они имеют свои противоположные векторы – изоляционизм, дедемократизацию и дезинтеграцию [Лебедева, 2019: 29–37].

Одним из регионов, где мегатренды проявляются с особой динамичностью, считается Центрально-Азиатский регион. Наиболее рельефно здесь преломляются тренды, связанные с трансформацией экономических связей и поиском новой политической субъектности, что в совокупности формирует вектор регионализации. В Центральной Азии прослеживаются и другие мегатренды, характерные для современного мира в целом, – цифровизация экономик, развитие технологий искусственного интеллекта, демографические изменения [Рахимов, Рахмонов, Юсупов, 2025: 100–114]. Однако фокус настоящей работы сознательно сужен до анализа регионализации. Такой выбор обусловлен тем, что данный тренд, будучи одним из наиболее дискуссионных в экспертной литературе, до сих пор не получил системного осмысления применительно к центрально-азиатскому контексту. В рамках статьи предпринимается попытка восполнить этот пробел, об-

ратившись к исследованию данной тенденции в регионе с опорой как на теоретические модели, так и на эмпирические данные. Исходя из этого, выявление природы, специфики и перспектив развития центрально-азиатского вектора регионализации как главного регионального тренда представляется весьма актуальной исследовательской целью.

На базе поставленной цели предполагается решить ряд задач.

Во-первых, необходимо проанализировать факторы, побудившие страны региона к активизации многостороннего сотрудничества с середины 2010-х гг.

Во-вторых, требуется проследить институциональную динамику регионализации, зафиксировав основные форматы взаимодействия и их эволюцию.

В-третьих, важно оценить существующие противоречия и ограничения, с которыми сталкиваются интеграционные процессы, и на этой основе определить возможные перспективы формирования Центрально-Азиатской региональной подсистемы.

Решение этих задач требует соответствующего методологического инструментария, способного охватить как структурные параметры международной системы, так и субъективные измерения региональных процессов.

В настоящей работе преимущественно применяется синтез неореалистского и конструктивистского подходов. В нашем случае неореализм позволяет учесть структурные ограничения анархичной международной среды, влияние великих держав и распределение сил в евразийском регионе, что особенно важно при анализе внешних факторов регионализации [Waltz, 1979]. Конструктивизм дает инструментарий для анализа изменения идентичности государств Центральной Азии, формирования их коллективной субъектности и роли идей в интеграционных процессах [Wendt, 1999]. Также в работе дополнительным концептуальным измерением выступает теория региональных комплексов безопасности, которая позволяет рассматривать Центральную Азию как формирующийся субкомплекс, где взаимозависимость в сфере безопасности, обус-

ловленная географической близостью и трансграничным характером угроз, создает объективную основу для политико-экономического и институционального сближения [Buzan, Waever, 2004]. Такой синтез позволяет избежать как излишнего детерминизма структурного подхода, так и субъективизма чисто идеациональных объяснений.

Дополнительно работа опирается на системно-структурный подход [Цыганков, 2007: 167–192], который дает возможность рассматривать Центральную Азию как формирующуюся региональную подсистему со своими внутренними связями и логикой функционирования. При анализе внешнеполитических стратегий и официальных документов используется герменевтический подход, позволяющий фиксировать декларируемые позиции и выявлять ценностные установки, лежащие в основе принимаемых решений. Эмпирическая база включает как качественные данные, так и количественные показатели. Представляется, что такой подход в большей степени обеспечивает глубину понимания процессов и достоверность выводов.

Однако у внимательного читателя может возникнуть закономерный вопрос: насколько интенсивно заявленный мегатренд действительно проявляется в Центральной Азии и не искажается ли его суть при проецировании на региональную почву? Подобная постановка вопроса правомерна, поскольку глобальные тенденции не действуют в институциональном вакууме. Напротив, они всегда преломляются через призму локальных условий. В контексте этих дебатов представляется, что проявление некоторых мегатрендов в регионе, в частности, регионализации с малой степенью интенсивности, не является некой абберрацией, а, напротив, свидетельствует о том, что именно региональные особенности, такие как геополитическое положение, специфика экономической структуры и культурные традиции, выступают в роли тех фильтров или медиаторов, которые либо усиливают резонанс глобальных процессов, либо, напротив, нивелируют их остроту.

Итак, прежде чем перейти к анализу конкретных процессов в Центральной Азии,

необходимо определиться с ключевыми понятиями, которые выделяются в настоящей работе. В современном дискурсе термины «регионализация» и «интеграция» часто используются как синонимы, однако для корректного анализа их следует разграничить.

Регионализация в широком смысле подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурную взаимозависимость соседних стран. Однако, как отмечается в литературе, за этим термином скрываются три различных по содержанию явления: во-первых, это возрождение или подъем региональных держав, что представляет собой неформализованное понимание регионализации в мировой политике; во-вторых, это формирование региональных интеграционных группировок, в том числе преференциального типа, что является классическим политико-экономическим определением; в-третьих, это политическая основа, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма – направление, активно развивающееся в международной политэкономии и комплексном регионоведении [Воскресенский, 2012: 30–58].

Если регионализация описывает естественный или спонтанный процесс сближения, то региональная интеграция представляет собой модель сознательного участия группы стран в глобальной стратификации. Ее цель – создание максимально успешной страты (уровня, слоя) в иерархии мировой системы. Иными словами, интеграция – это не просто рост взаимозависимости, а целенаправленный политический проект, нацеленный на повышение коллективной конкурентоспособности [Буторина, 2011: 18–19].

Факторы активизации регионально-го сотрудничества в Центральной Азии. Среди эпистемического сообщества распространено убеждение, что благоприятная внутрорегиональная и внешняя среда, сложившаяся с середины 2010-х гг., создала предпосылки для серьезных преобразований в деле экономико-политического сближения стран Центральной Азии, а также для попыток институционализации сложившихся связей [Курылев, 2025]. Предыдущие попытки создать интеграционные структу-

ры в регионе носили преимущественно декларативный характер, что, однако, не препятствовало началу конструктивного диалога между государствами [Комилова, 2015]. В рамках данной работы представляется, что существует ряд взаимосвязанных факторов, побудивших республики региона активизировать многосторонний диалог в последние годы.

Во-первых, свою роль сыграл исторический опыт 2000-х гг. Эскалация нестабильности на южных рубежах, особенно в Афганистане, привела к росту обеспокоенности внешних акторов, прежде всего, великих держав – США, России, Китая, а также стран – лидеров Европейского союза. Следствием этого процесса стало заметное повышение внимания внешних сил к евразийскому пространству. Это выразилось в активизации связей, где часть стран Центральной Азии углубила партнерство с евразийскими центрами силы, тогда как другие усилили взаимодействие с евроатлантическими державами. Последние активизировали свое присутствие в регионе, прежде всего, из-за его близости к точкам нестабильности на южных рубежах, при этом координируя свои планы с Россией, которая рассматривает регион как зону своей ответственности в поддержании мира и стабильности [Сафранчук, 2007].

Подобные особенности внешнеполитических приоритетов привели к длительному этапу паузы во внутрирегиональном сотрудничестве. Осмысление последствий данного этапа и сложившаяся структура в системе международных отношений, по-видимому, побудило республики к пересмотру внешнеполитических стратегий. Стремление нивелировать риски фрагментации и укрепить коллективную субъектность на международной арене стало катализатором начала координации внешнеполитических стратегий, что выразилось в интенсификации регулярных Консультативных встреч глав государств центрально-азиатских республик и других совместных инициатив.

Логика от осознания общих вызовов к поиску коллективных решений получает концептуальное обоснование в трудах представителей английской школы. Как отмечают Б. Бузан и О. Уивер, после заверше-

ния холодной войны региональный уровень безопасности стал более автономным: в отсутствие жесткого контроля со стороны глобальных сверхдержав у государств появляется больше пространства для выработки собственных механизмов реагирования на угрозы [Buzan, Waever, 2004: 5–20]. В случае Центральной Азии такими угрозами выступают не только традиционные вызовы безопасности, но и экономические и инфраструктурные проблемы, которые, в силу своей трансграничной природы, объективно требуют координации. Стремление к консолидации считается закономерным этапом эволюции центрально-азиатской системы, обусловленный самой природой современных международных отношений.

Во-вторых, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура и солидные многомиллиардные внешние инвестиции в сырьевой сектор мотивировали страны к наращиванию экспорта. Главным препятствием на этом пути стали неблагоприятная географическая замкнутость региона и слабая инфраструктурная база, соединяющая страны с узлами экспорта, такими как крупные порты.

Реализация масштабных проектов – транспортных коридоров, например, маршрутов в рамках инициативы «Пояс и путь», МТК «Север–Юг», ТРАСЕКА, трансграничных железнодорожных магистралей – требовала высокой координации между странами, так как эти проекты носят преимущественно транснациональный характер. Активность, исходящая исключительно из односторонних интересов, в данном случае просто не считалась экономически целесообразной или, как минимум, технически реализуемой. Тезис о том, что вызовы логистики и необходимость диверсификации экспортных путей являются общими, привело к экономическому сближению. В результате республики перешли от конкуренции за транзитные потоки и внешние инвестиции к поиску компромиссов и созданию совместных транспортно-логистических хабов, способных потенциально усилить позиции каждого участника на мировом рынке.

Применяя герменевтический подход к анализу внешнеполитических стратегий,

можно зафиксировать ряд важных моментов. С точки зрения конструктивизма, осмысление упомянутых факторов в определенной степени привело к трансформации идентичности республик. Центральнo-азиатские страны со второй половины 2010-х гг. все меньше воспринимают себя исключительно как арену конкуренции великих держав и начали формировать новую коллективную субъектность. Это повлекло за собой конкретные политико-экономические эффекты.

В последние как минимум 10 лет феномен «нейтральности» становится показательным для Центральной Азии. Хотя дискуссии о превращении региона в «нейтральную зону» в Евразии ведутся в научных кругах достаточно давно, в последнее время тенденция приобрела более конкретные очертания. Так, известный российский ученый-международник А.Д. Богатуров, еще в свое время анализируя региональные процессы и складывающиеся вокруг них тенденции, отметил, что в будущем регион, вероятно, будет двигаться в сторону модели «отложенного нейтралитета». Такая модель, по мнению ученого, предполагает, что взаимодействие между внешними державами становится все более диверсифицированным [Богатуров, 2010: 20–38].

При этом в нынешних условиях важно учитывать, что большинство стран региона уже долгое время институционально связаны с внешними акторами посредством таких организаций, как ОДКБ, ШОС и ЕАЭС [Рахимов, 2018]. Поэтому, с формальной точки зрения, тезис о нейтралитете требует определенного уточнения.

На эту тему в своей работе известные ученые И.Е. Денисов и И.А. Сафранчук отмечают, что в последние годы в регионе укрепляется установка на «геополитический нейтралитет», что подразумевает стремление не выстраивать отношения на противоречиях крупных держав, а поддерживать с ними сбалансированные и прагматичные отношения [Денисов, Сафранчук, 2016: 112–122].

Сейчас такую многовекторную внешнюю политику, проводимую странами региона, все чаще можно рассматривать не как ситуативную уступку обстоятельствам,

а в логике осознанной стратегии¹. Ее рациональность обусловлена тем, что она органично вытекает из внутренних характеристик самих государств. Внешнеполитическое поведение, как отмечал М.А. Хрусталеv, во многом детерминировано политической системой, экономическим потенциалом, географическим положением и историческим опытом [Хрусталеv, 1984: 13–15]. Для центрально-азиатских республик, чьи экономики объективно нуждаются в диверсификации внешних связей, а географическое положение предопределяет соседство с разными центрами силы, преимущественно ядерными державами, многовекторность становится не ситуативным выбором, а естественным способом рационального функционирования в международной среде. Следуя теоретическим постулатам [Mearsheimer, Rosato, 2023], на наш взгляд, подобная стратегия не только не противоречит полноценному эффективному функционированию государства в анархичной международной среде, но и объективно обогащает его инструментарий.

Институциональное оформление и экономическая динамика регионализации. Сформировавшийся текущий конструктивный климат внутри региона имеет свою причинно-следственную связь. Главным серьезным шагом после почти десятилетней паузы в деле полноценного внутрирегионального диалога считается проведение консультативных встреч глав государств Центральной Азии. Впервые такая встреча была проведена в Казахстане, а последняя, 7-я по счету, состоялась в ноябре 2025 г. в столице Узбекистана. Цели и задачи этих встреч являются достаточно понятными и транспарентными. К ним относятся развитие торговли, обеспечение общерегиональной безопасности, расширение культурного обмена между республиками и усилия в сторону решения внутрирегиональных проблем усилиями самих стран региона [Курылев, 2024: 7–33].

¹ Алимов Р. Дипломатическая гибкость: стратегия стран Центральной Азии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14.10.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/diplomaticeskaya-gibkost-strategiya-stran-tsentra> (дата обращения: 20.01.2026).

Характерно, что в последние годы данный форум перешел от обсуждения общих намерений к выработке конкретных механизмов взаимодействия. Показательным примером служит поступательное развитие институциональной базы консультативных встреч. На 5-й юбилейной встрече в Душанбе лидерами было поддержано создание Совета национальных координаторов, что позволило придать диалогу более системный характер. В 2024 г., на 6-й встрече, данный курс был закреплен принятием рамочных документов, среди которых – Концепция «Центральная Азия – 2040», а также отраслевые договоренности в сферах промышленной кооперации и транспортной логистики.

В этом же контексте укрепления регионального взаимопонимания следует рассмотреть и решение Таджикистана, объявленное в августе 2025 г., о присоединении к «Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии». Данный документ был открыт для подписания с 2022 г., и на первоначальном этапе к нему присоединились Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Решение Душанбе, принятое под руководством Президента Эмомали Рахмона, является шагом, отражающим общую направленность внешней политики страны на развитие конструктивного и взаимоуважительного диалога со всеми партнерами по региону¹.

Принятые документы, включая вышеупомянутый договор и Концепцию «Центральная Азия – 2040», имеют концептуально важное значение. По своему характеру и содержанию они формируют дизайн внутререгионального взаимодействия как минимум на предстоящее десятилетие, задавая долгосрочные ориентиры сотрудничества. Происходящие процессы также отражают имманентную потребность государств региона в самоорганизации и выработке совместных ответов на вызовы со-

временности. Более того, в данных договоренностях находит отражение сохраняющийся интерес стран к вопросу о возможном формировании центрально-азиатских интеграционных структур.

Несмотря на то что за последние 10 лет центрально-азиатские республики уже сумели устранить ряд барьеров, ранее носивших системно-сдерживающий характер для формирования полноценно функционирующих интеграционных структур в регионе, в частности, в вопросах демаркации общих границ между республиками, в научных кругах сохраняются вопросы относительно того, каким образом государства будут адаптировать свои внешнеполитические стратегии к развитию интеграционных проектов в будущем и как сохраняющиеся, по мнению экспертов, сдерживающие факторы будут на это влиять [Притчин, 2025: 63–73; Акунова, 2020: 300–311; Жильцов 2015: 90–100; Малышева, 2020: 140–155].

Среди таких факторов известные эксперты выделяют следующие проблемы: водно-энергетическую, экологическую, транспортно-коммуникационную и аграрно-продовольственную [Султанов, 2021: 59–77]. Здесь необходима отдельная глубокая научная рефлексия относительно того, насколько существующие национальные подходы соответствуют новой реальности многостороннего сотрудничества в регионе во второй половине 2020-х гг. Определенного внимания заслуживают позиции отдельных стран, например Туркменистана, в контексте его заявленного нейтралитета. Не менее значимым представляется и восприятие республиками возрастающей активности внерегиональных акторов в центрально-азиатских внутререгиональных процессах.

Можно допустить, что «каркас» центрально-азиатского интеграционного проекта уже построен. Такое умозаключение, разумеется, основывается, в первую очередь, на подписании четырьмя странами региона «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии». Однако во второй половине 2020-х гг. усилия сторон с высокой долей вероятности будут направлены на повышение его прочности и развитие содержательных элементов.

¹ Эмомали Рахмон подписал «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в Центральной Азии» // ASIA-Plus. 28.08.2025. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/power/20250828/emomali-rahmon-podpisal-dogovor-o-druzhbe-dobrososedstve-i-sotrudnichestve-v-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 05.01.2026).

Стержневым вопросом любого регионального интеграционного проекта остается то, каким образом страны будут координировать свои внешнеполитические стратегии и выработать общие подходы на перспективу. Опыт последних лет свидетельствует, что у центрально-азиатских государств уже сформирована основа для такого взаимодействия.

В теоретической плоскости интеграция в международных отношениях зачастую рассматривается не как самоцель, а как инструмент достижения национальных интересов [Mearsheimer 2001: 17–19]. В случае с Центральной Азией прослеживается наличие общих целей и задач у республик, способных стимулировать консолидацию усилий для формирования общего пространства безопасности и процветания. У всех стран региона фиксируется совпадение стратегических приоритетов: модернизация экономики и поддержание военно-политической стабильности. Как известно, в международно-политической практике достижение данных целей наиболее эффективно реализуется именно в формате интеграционного взаимодействия.

Наряду с реалистской парадигмой объяснительной силой обладает и либеральный подход к пониманию интеграционных процессов. Согласно ему, драйвером сближения выступают не столько межгосударственные договоренности, сколько запрос «снизу» – со стороны бизнес-сообществ и широких слоев населения, заинтересованных в максимизации доходов и минимизации транзакционных издержек. Данная оптика позволяет предположить, что в Центральной Азии существует устойчивый общественный запрос на интеграцию. Деловые круги, культурно-гуманитарные инициативы и различные профессиональные сообщества объективно заинтересованы в формировании общих правил и норм, обеспечивающих предсказуемость внутрирегиональной среды и защиту от непредсказуемых барьеров. Вместе с тем историческая ретроспектива показывает, что подобные низовые движения и идеологические течения требуют особого внимания. При определенных условиях они способны выступать не только усилителями интеграции,

но и триггерами дезинтеграционных процессов. Обстоятельство актуализирует необходимость взвешенного подхода к управлению региональными процессами, сочетающему как межгосударственные механизмы, так и учет интересов широкого спектра общественных и деловых кругов.

Следовательно, современный этап развития Центральной Азии, по большому счету, характеризуется переходом от декларативной фазы интеграции к практической реализации общих интересов. Дальнейшая динамика этого процесса сопряжена со способностью государств региона синхронизировать национальные стратегии развития с коллективными механизмами принятия решений, что, в свою очередь, может рассматриваться в качестве индикатора зрелости региональной системы и ее устойчивости к внешним вызовам. В этом контексте поддержание и развитие сложившегося текущего конструктивного и стабильного внутрирегионального климата выступает той основой, на которую опираются институциональные усилия стран и реализуемые интеграционные проекты.

Противоречия и перспективы формирования региональной подсистемы. Дебаты относительно регионализации, интеграционных процессов и формирования Центрально-Азиатской региональной подсистемы в научно-экспертном поле не являются чем-то новым. На протяжении последних двух десятилетий исследователи неоднократно обращались к вопросу о структурных изменениях в регионе, восприятии этих процессов внешними державами и перспективах сближения 5 республик. В фокусе их внимания неизменно оказывались как объективные предпосылки для кооперации, так и столь же объективные препятствия на этом пути [Махмутова, 2018; Вардомский, 2022; Дадабаева, Кузьмина, 2014; Бордачев, 2024; Корабоев, 2010; Винокуров, 2010; Майтдинова, 2007: 78–87; Султанов, 2021:59–77; Новосельский, Темкина, 2013].

Однако динамика последних лет выводит дискуссию на новый уровень. На настоящем этапе речь идет уже не о гипотетической возможности регионализации, а о реально разворачивающемся процессе, что

закономерно актуализирует вопрос о перспективах формирования в регионе отдельной подсистемы.

В рассматриваемый хронологический период заметно активизировался формат «Центральная Азия +» (ЦА+), а также диалог «С5 + 1» (Центральная Азия + США), который ранее, в 2000-е гг., имел место в отношениях 5 республик с Южной Кореей и Японией. К концу 2025 г. результаты развития этих инициатив выглядят впечатляюще: страны провели серию многосторонних встреч с внешними партнерами, включая Китай, Россию, США и Европейский союз. Ярким подтверждением данной динамики стало проведение уже 2-го саммита «С5 + 1» на территории США, что подтверждает повышенную заинтересованность стран евроатлантического ядра в центрально-азиатских процессах на настоящем этапе.

На фоне активизации двусторонних взаимодействий центрально-азиатской «пятерки» с внешними державами в экспертно-академическом дискурсе усиливаются дискуссии относительно перспектив формирования в регионе самостоятельной международно-политической подсистемы. В данном вопросе обозначились две основные концептуальные позиции.

Видные представители школы структурного реализма указывают на то, что при отсутствии признанного ядра, которое, согласно классическим подходам, выступает необходимым условием структурирования устойчивой региональной подсистемы, отдельная подсистема не может функционировать эффективно и полноценно. При отсутствии креативного государства допускается существование общепризнанных институтов. Однако, несмотря на все это, отмечается важность существования объединяющей державы-центра [Шаклеина, 2024: 40–41]. Данное обстоятельство, с их точки зрения, провоцирует вмешательство внешних держав, берущих на себя функцию обеспечения стабильности, что объективно сдерживает развитие дискуссии о возможности реализации полноценных интеграционных проектов в регионе.

Среди центрально-азиатских стран нет не только великой, но и региональной дер-

жавы. Хотя такие страны, как Казахстан, позиционируют себя в качестве средних держав¹, и эта точка зрения находит поддержку в ряде научно-исследовательских центров Европы², классические критерии гегемона или признанного ядра здесь не выполняются. Кроме того, методы сохранения влияния, традиционно ассоциируемые с принуждением [Morgenthau, 1947: 136–137], расходятся с реальностью региональных процессов. В связи с этим исследователи, изучающие роль средних держав в регионе, приходят к выводу о существовании так называемой «дилеммы средней державы» в Центральной Азии [Сафранчук; Жорнист, Несмачный, Чернов, 2022: 116–133].

Вместе с тем альтернативная точка зрения, представленная частью исследовательского сообщества, допускает формирование подсистемы и при отсутствии выраженного центра силы. Здесь можно провести аналогию с наблюдением А.Д. Воскресенского, который, анализируя логику регионального строительства в биполярный период, отмечает, что активные интеграционные процессы разворачивались там, где комплементарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. В основе таких процессов лежали рост экономической взаимозависимости и сближение интересов, наличие общего внешнеполитического вектора, а также отсутствие явного доминирующего центра либо наличие «ядра», состоящего из нескольких государств [Воскресенский, 2012: 30–58].

Экстраполируя эту логику на современную Центральную Азию, условием формирования подсистемы выступает наличие консенсусной основы и совпадающих интересов у всех 5 государств. Это достаточно сложно, но, как показывает практика последних лет, таким консолиди-

¹ Казахстан – «средняя держава» // Gov.Kz. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-seoul/press/news/details/765875?lang=ru> (дата обращения: 05.01.2026).

² Lippert B., Mair S. Mittlere Mächte: Einflussreiche Akteure in der internationalen Politik // SWP-Studie. 2024. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2024S01_MittlereMaechte.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

рующим интересом выступает стремление к сбалансированию роли внерегиональных держав и поддержанию многовекторности внешнеполитического курса. Судя по динамике региональных процессов, странам региона в определенной степени удастся реализовать данную стратегию [Курылев, 2024].

При оценке перспектив дальнейшего развития региональных процессов в Центральной Азии важно учитывать более широкий евразийский контекст, в котором эти процессы разворачиваются. Любая модель институционализации внутрирегиональных связей, сколь бы органичной для самих центрально-азиатских государств она ни была, будет формироваться не в изолированном пространстве, а в поле взаимодействия с внешними акторами. В этой связи представляется, что страны региона при выработке совместных подходов с высокой долей вероятности будут соотносить свои стратегии с интересами своих соседей – России и Китая, которые играют особую роль в обеспечении стабильности и развитии евразийского пространства [Рахимов, Курылев, 2018: 50–88].

Основанием для такого предположения служат как минимум два обстоятельства, лежащих в плоскости официально декларируемых приоритетов и объективной экономической реальности.

Во-первых, анализ внешнеполитических стратегий государств Центральной Азии показывает, что отношения с Россией и Китаем последовательно фиксируются в них в качестве приоритетных направлений. Речь идет не о конъюнктурной риторике, а о закреплённых на высшем уровне установках, которые отражают долгосрочный характер взаимных обязательств и сложившуюся структуру политического и экономического взаимодействия [Дегтерев, Курылев, 2017: 260–445; Курылев, Филькевич, Гущин, Рахимов, 2025].

Во-вторых, обе державы объективно вовлечены в поддержание устойчивости на значительной части Евразии, и это направление является составной частью их национальных интересов. На территории региона на протяжении последних десятилетий реализуются масштабные инфраструктурные,

энергетические и транспортные проекты с участием этих держав-соседей. Эти проекты, в свою очередь, создают материальную базу для развития центрально-азиатских экономик и формируют устойчивую сеть взаимных обязательств.

В этой связи логика развития регионализации в Центральной Азии, по всей вероятности, будет строиться не на обособлении от внешних держав, а на поиске баланса между внутрирегиональными устремлениями и уже сложившимися форматами сотрудничества. Задача республик региона, по всей видимости, заключается в том, чтобы вписать собственные интеграционные инициативы в более широкий евразийский контекст, добиваясь при этом максимального учета своих интересов в рамках существующих и перспективных проектов. Такой подход, сочетающий прагматизм с реалистичной оценкой международной обстановки, представляется естественным для стран, проводящих многовекторную политику.

Хотя в научной литературе уже давно обосновывается тезис об отсутствии глубинных антагонизмов между народами региона в деле формирования единой институциональной базы [Талипов, 2017: 24–27], в контексте данных дискуссий критическое значение приобретает еще один фактор, который нередко остается за пределами исследовательского внимания. В исторической ретроспективе народы региона демонстрировали устойчивую заинтересованность в мирном сосуществовании. Как тонко замечает по этому поводу А.Д. Богатуров, «по-видимому, такой вариант “нераздельности безопасности” имеет опору в традиционном сознании жителей этой части мира, для более южных народов которой характерно “оазисное сознание”. В его основе – идентификация по принципу самопричисления не только (иногда и не столько) к “своей” этнической группе, сколько к территории проживания... Люди исторически селились у воды» [Богатуров, Дундич, Коргун, 2014: 29–30].

Основываясь на этих умозаключениях, можно сказать, что перспективы формирования Центрально-Азиатской региональной подсистемы определяются не столько на-

личием традиционного центра силы, сколько способностью 5 государств поддерживать консенсус вокруг общих интересов. Конфигурация международных отношений в регионе определяется не столько волей или мощью отдельных акторов – так называемых «государств-гегемонов», сколько устойчивой структурой взаимодействия, где центральную роль играет баланс интересов и взаимные ограничения, формирующие институциональные основы для всех участников системы. В этой связи регионализация в Центральной Азии предстает не как искусственный политический конструкт, а как имманентный процесс, закономерно вырастающий из глубинных цивилизационных оснований и исторического опыта сосуществования народов региона.

Наряду с обнадеживающими тенденциями сохраняется и ряд вопросов, требующих отдельного внимания. Как правило, реализация и поддержание интеграционных проектов сопряжены с солидными организационными и финансовыми затратами [Буторина, 2011]. В этой связи возникает вопрос о том, какие из стран региона готовы в будущем выступить в роли своего рода спонсоров интеграции, обеспечивая полноценное функционирование проектов как на бюрократическом, так и на прикладном уровне по аналогии с тем, как это происходит в других региональных объединениях, например, в ЕС или АСЕАН.

Также в научных кругах ведутся дискуссии относительно того, по какой модели может быть выстроена центрально-азиатская интеграционная структура. Часть экспертов полагает, что, с институциональной точки зрения, наиболее релевантным ориентиром является АСЕАН [Мухсимова, 2015: 273–282]. Другие исследователи склоняются к мнению, что страны региона будут развиваться, скорее, по европейской модели. Третья группа ученых, настроенная более скептически, ставит под сомнение саму идею реализации полноценного интеграционного проекта исключительно по модели ЕС и АСЕАН в данном регионе, отмечая низкую вероятность адаптации как азиатского, так и европейского опыта к региональным реалиям [Мальшева, 2025: 103–114].

Важно подчеркнуть, что страны региона при выработке интеграционных механизмов исходят, прежде всего, из национальных интересов. Более того, цели и задачи, которые центрально-азиатские республики стремятся реализовать в рамках интеграционных процессов, существенно отличаются от тех, что лежат в основе деятельности АСЕАН и ЕС. Безусловно, обе организации имеют свои как сильные, так и слабые стороны. В этой связи закономерным представляется понимание маловероятности достижения поставленных целей путем механического копирования «идеальных рецептов» указанных объединений. Свидетельством тому может служить отсутствие систематических официальных консультаций между странами Центральной Азии и представителями ЕС и АСЕАН по вопросам обмена опытом в построении региональных интеграционных структур. На данный момент соответствующая проблематика сохраняет актуальность преимущественно на уровне «второго трека» – в экспертно-академической среде. Можно предположить, что в дальнейшем результаты научных исследований и дискуссий будут постепенно операционализироваться и учитываться при выработке официальных подходов.

Сам процесс формирования интеграционной архитектуры, по всей видимости, потребует гармоничного сочетания различных элементов. В бюрократических и экономических процедурах, вероятно, окажется востребованным опыт ЕС, тогда как в цивилизационно-культурной сфере более релевантным может стать подход АСЕАН, основанный на принципах консенсуса и учета национальной специфики.

Таким образом, официальные стремления центрально-азиатских республик по объединению усилий в решении общих задач и достижении взаимовыгодных целей выступили усилителями процесса регионализации. Созданные комфортные институциональные условия для взаимодействия между гражданами этих государств, в свою очередь, способствуют росту общественной поддержки идеи сближения. Достаточно обратить внимание на то, насколько активно распространяется бизнес одной респуб-

лики на территории других, а также на динамичное развитие сферы внутрирегионального туризма. Здесь особый интерес представляет опыт Узбекистана, поскольку он позволяет более отчетливо оценить происходящие в регионе процессы. Это обусловлено тем, что до второй половины 2010-х гг. страна придерживалась относительно протекционистской политики и взаимопроникновение бизнесов республик рассматривалось в крайне ограниченной степени. Трансформация подходов Ташкента наглядно демонстрирует общую динамику регионализации и служит индикатором глубины интеграционных процессов в Центральной Азии.

Так, например, в 2023 г. в Казахстане функционировали более 4 тыс. компаний с участием узбекского капитала. Со своей стороны, Узбекистан демонстрирует растущую привлекательность для инвесторов из соседних стран: в начале 2024 г. в республике были зарегистрированы 1065 предприятий с казахстанским участием, 295 – с таджикскими инвестициями, 268 – с кыргызскими, 192 – с туркменскими капиталовложениями¹.

Динамика внутрирегиональной торговли за последние 10 лет также подтверждает вышеупомянутые тезисы. Согласно официальным данным, объем внутрирегиональной торговли в Центральной Азии вырос с 3,6 млрд долл. США в 2015 г. до почти 11 млрд долл. в 2024 г., что составило около 4,5% от всего внешнеторгового оборота стран региона. Словом, рост составил практически трехкратную величину.

Вместе с тем, несмотря на позитивную динамику, внутрирегиональная торговля сохраняет преимущественно сырьевой характер. По данным Trade Map, по итогам 2024 г. основу товарооборота составляли минеральное топливо, нефтепродукты, а также сельскохозяйственное сырье и продовольствие, на которые в совокупности пришлось 70% всего внутрирегионального

оборота. Вместе с тем та же статистика фиксирует и обнадеживающие тенденции. Так, доля машин и оборудования достигла 15% от общего товарооборота, строительные материалы составили 3%, а текстиль – 2%. Это свидетельствует о том, что страны региона постепенно наращивают производство продукции с добавленной стоимостью, что в перспективе будет способствовать укреплению взаимосвязей между народами и государствами и придаст процессам регионализации импульс.

Вместе с тем приведенные данные актуализируют дискуссию о качественных параметрах региональной интеграции. Среди научно-экспертного сообщества в качестве своеобразного мерила успеха выступают две различные модели – ЕС и АСЕАН. ЕС демонстрирует пример глубокой институциональной интеграции, где действительно присутствуют взаимодополняемость политических систем и экономик, а также развитые наднациональные механизмы. АСЕАН, в свою очередь, представляет иную модель. Здесь мерилем успеха выступает не столько гармонизация институтов, правил и норм, сколько реализация совместных экономических проектов и коллективное стремление не допустить доминирования внешних игроков на внутреннем рынке при сохранении национального суверенитета.

Важным количественным индикатором глубины интеграционных процессов традиционно считается доля внутрирегиональной торговли в совокупном внешнеторговом обороте стран-участниц. Для АСЕАН этот показатель превышает 20–25%, тогда как в ЕС он может достигать 50% и более. В Центральной Азии данные значения пока демонстрируют значительно более скромные результаты. На первый взгляд, подобный разрыв может свидетельствовать о недостаточной глубине интеграционных процессов в регионе. Тем не менее прямой сравнительный анализ представляется некорректным без учета ряда факторов.

Во-первых, ЕС объединяет крупнейшие экономики мира, а его состав существенно шире как по количеству участников, так и по масштабу национальных рынков. Кроме того, благоприятное географическое

¹ С участием иностранных инвестиций каких государств функционирует больше предприятий? // Госкомстат Узбекистана. URL: <https://stat.uz/ru/press-sentr/novosti-goskomstata/56724-ko-proq-qaysi-xorijiy-davlat-kapitali-ishtirokida-korxonalar-faoliyat-ko-rsathmo-qda-8> (дата обращения: 10.01.2026).

положение и развитая транспортная инфраструктура европейских государств исторически стимулировали производственную кооперацию и торговый обмен [Байков, 2012: 32–47].

Во-вторых, современный уровень интеграции в Европе является результатом эволюционного развития на протяжении более чем семи десятилетий, тогда как центрально-азиатские государства находятся на начальном этапе выстраивания полноценного регионального взаимодействия после длительного перерыва.

Генерализируя вышеперечисленные факторы, более релевантным представляется не сопоставление абсолютных экономических показателей Центральной Азии с ЕС, а анализ динамики качественных изменений в структуре торговли и последовательного увеличения доли несырьевых товаров во взаимной торговле стран региона. К тому же если условно исключить экспорт углеводородов, то торговля по другим категориям товаров между республиками Центрально-Азиатского региона выглядит весьма целостной.

Опыт АСЕАН может быть полезен, однако необходимо учитывать одно принципиальное обстоятельство: регион Юго-Восточной Азии до настоящего этапа характеризовался значительной удаленностью от центров соперничества великих держав, что, как минимум, до последнего времени позволяло избегать жестких и истощающих межгосударственных баталий за региональное присутствие. Говоря про ЕС, будучи сильнейшим интеграционным проектом, организация в последние годы сталкивается с внутренними сложностями в координации межгосударственных стратегий и поддержке полноценной функциональности самой системы [Алешин, 2023, 153–223].

Таким образом, ни одна из существующих моделей не может рассматриваться как «универсальный рецепт», применимый к центрально-азиатским реалиям, без существенной адаптации. В этой связи представляется, что страны региона, исходя из совокупности национальных и общих интересов, будут формировать собственную интеграционную модель. Ее контуры, по всей вероятности, сложатся под влиянием прак-

тических потребностей развития, географического положения, исторического опыта сосуществования народов и тех конкретных вызовов, с которыми сталкиваются государства Центральной Азии во второй половине 2020-х гг.

Заключение. В Центральной Азии на протяжении последнего десятилетия формируется качественно новая региональная динамика. Наблюдаемая трансформация представляет собой результат постепенного вызревания предпосылок, коренящихся как в изменениях международной среды, так и во внутренней эволюции самих государств региона. Глобальные мегатренды задают общие рамки, однако их преломление в центрально-азиатском контексте опосредуется сочетанием географических, исторических и культурных факторов. Активизация регионального сотрудничества укоренена в осознании обществами 5 стран фундаментальной общности, стоящих перед ними вызовов. Стремление к консолидации усилий в транспортной связанности, водно-энергетической сфере, обеспечении безопасности проистекает из природы этих проблем, требующих коллективных решений. Импульс к сближению подпитывается растущей взаимозависимостью деловых кругов, трансграничными миграционными и культурными связями, формирующими запрос на предсказуемость и единые институциональные правила.

Формирование Центрально-Азиатской региональной подсистемы разворачивается в сложном переплетении с интересами внешних центров силы. Задача государств региона заключается, вероятно, в поиске органичного способа встраивания собственных интеграционных устремлений в более широкий евразийский контекст. В этом контексте важно подчеркнуть, что многовекторность, проводимая государствами Центральной Азии, представляет собой не конъюнктурный инструмент извлечения односторонних преимуществ, а осознанную стратегию, направленную на формирование предсказуемой и транспарентной атмосферы во взаимоотношениях с внешними партнерами. Для стран региона, в силу их идентичности и исторического опыта, определяющее значение имеют взаимное уваже-

ние и равноправный, взаимовыгодный характер международного сотрудничества. Экономическое и культурно-гуманитарное измерение многовекторности, безусловно, присутствует, однако стоит ли его абсолютизировать, остается открытым вопросом.

Не менее важным представляется поддержание такого климата в регионе, при котором стратегии внешних держав не расходились бы в антагонистическом ключе. Этот баланс, основанный на взаимном учете интересов, выступает сейчас одной из несущих конструкций стабильности и поступательного развития Центральной Азии.

Дискуссии о будущей модели интеграции, апеллирующие к опыту ЕС или АСЕАН, пока не нашли прямого отражения в официальных подходах. Заимствование институциональных решений, выработанных в

иных исторических условиях, едва ли способно принести желаемый результат. Более продуктивным выглядит путь постепенного «нащупывания» собственной модели, где конечная конфигурация будет определяться внутренними потребностями и особенностями самого региона.

Перспективы регионализации будут определяться, скорее, способностью 5 государств удерживать найденный баланс интересов, постепенно расширяя сферы совместного управления. Безусловно, сохраняющиеся вызовы потребуют немалых усилий, однако сам факт перехода от разговоров к реальным шагам позволяет рассматривать данный тренд как одну из определяющих характеристик современной Центральной Азии, задающую вектор ее развития на обозримую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

- Акунова Г.Ч.* Страны Центральной Азии: трудности на пути сближения // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 3. С. 300–311.
- Алешин А.А.* Великобритания–Евросоюз–НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс, 2023. 317 с.
- Антонов А.И., Карпова В.М.* Сравнительный анализ демографических прогнозов: оценка долгосрочных тенденций для мира и России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2.
- Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Богатуров А.Д.* Отложенный нейтралитет? // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 25–38.
- Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г.* Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / отв. ред. А.Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 560 с.
- Бордачев Т.В.* Третье открытие Центральной Азии // Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 24–42.
- Буторина О.В.* Европейская интеграция: учебник. М.: Деловая литература, 2011. 318 с.
- Вардомский Л.Б.* Страны Центральной Азии в процессах международной регионализации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 4. С. 7–22.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М., Максимчук Н.В.* Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2010. № 7. С. 5–32.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
- Головенчик Г.Г., Ковалев М.М.* Цифровая глобализация: мировые тренды, влияние на рост и интернационализацию национальных экономик // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2025. № 3. С. 357–381.
- Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: науч. доклады. М.: Институт экономики РАН, 2014. 55 с.
- Дегтерев Д.А., Истомин И.А.* Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 17–30.
- Дегтерев Д.А., Курyleв К.П.* Внешняя политика стран СНГ: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2017. 496 с.
- Денисов И.Е., Сафранчук И.А.* Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). С. 112–122.

- Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. № 18. С. 90–100.
- Ильин М.В., Иноземцев В.Л. Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001. 296 с.
- Истомин И.А. Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 6. С. 7–52.
- Комилова Х.Г. Роль и место интеграционных структур в системе международных отношений в Центральной Азии // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: История. 2015. № 4. С. 73–78.
- Корабоев И. От региональной интеграции Центральной Азии к евразийскому интеграционному пространству? Меняющаяся динамика постсоветского регионализма // *Евразийская экономическая интеграция*. 2010. № 3.
- Курылев К.П. Евразийская идеология и евразийская интеграция: монография. М.: Аспект Пресс, 2025. С. 137–142.
- Курылев К.П., Филькевич И.А., Гуцин А.В., Рахимов К.Х. Содружество Независимых Государств: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2025. 267 с.
- Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37.
- Майтдинова Г.М. Проблемы региональной интеграции в геополитических реалиях Центральной Азии // *Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение: материалы Международной научной конференции (Душанбе, 28–29 марта 2007 г.)*. Душанбе: РТСУ, 2007. С. 78–87.
- Мальшева Д.Б. АСЕАН и Евросоюз как модели регионализации для Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 6. С. 103–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-6-103-114. EDN: DCRLUW.
- Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3. С. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8.
- Махмутова Е.В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // *Вестник МГИМО*. 2018. № 4. С. 78–91.
- Мухсимова Д.Х. Перспективы развития региональной интеграции Центральной Азии на примере Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // *Экономика, предпринимательство и право*. 2015. № 4. С. 273–282.
- Новосельский Г.Я., Темкина И.М. Современные трактовки интеграционного процесса в Центральной Азии: анализ и прогноз // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика*. Серия: Экономика. 2013. № 1. С. 18–25.
- Притчин С.А. Центральное-азиатская интеграция: ограничители и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 3. С. 63–73. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73.
- Рахимов К.Х. Международное сотрудничество государств – членов ШОС в области обеспечения региональной безопасности. М.: Русайнс, 2025. 444 с.
- Рахимов К.Х. Этапы развития интеграционных процессов на пространстве СНГ // *Постсоветские исследования*. 2018. № 3. С. 274–283.
- Рахимов К.Х., Курылев К.П. Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии. М.: Издательские решения, 2018. 202 с.
- Рахимов Ш., Рахмонов А., Юсупов С. Мегатренды в Центральной Азии в условиях формирования нового мирового порядка (регионализация, демографические изменения и цифровая модернизация экономик) // *Экономика Таджикистана*. 2025. № 2. С. 100–114.
- Сафранчук И.А. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 6. С. 112–121.
- Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмачный А.Д., Чернов Д.Н. Дилемма «средней державы» в Центральной Азии: перспективы гегемонии // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 3. С. 116–133. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133.
- Султанов Б. Казахстан и перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № III (LII). С. 59–77.
- Талипов Ф. Центральная Азия: теория дезинтеграции // *Центральная Азия – 25: мысли о прошлом, проекция будущего: сборник эссе из Центральной Азии*. Бишкек, 2017. С. 24–27.

Хрусталеv М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 1984. С. 13–15.

Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: монография / под ред. К.П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2024. 312 с.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007. С. 167–192.

Шаклеина Т.А. Россия и США в современных международных отношениях: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2024. 448 с.

Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2022. 594 с.

Buzan B., Waever O. Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 594 p.

Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: WW Norton & Company, 2001. 448 p.

Mearsheimer J., Rosato S. How States Think: The Rationality of Foreign Policy. New Haven: Yale University Press, 2023.

Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1948. P. 136–137.

Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y.: Warner Books, 1982. 290 p.

Singh S. New Trends. Implications for our Future Lives. London: Palgrave Macmillan, 2012. 278 p.

Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wisley Publishing Company, 1979.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

Akunova G.Ch. Strany Tsentral'noy Azii: trudnosti na puti sblizheniya // Problemy postsovetского prostranstva. 2020. Т. 7. № 3. С. 300–311. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-300-311. (In Russ.) [*Akunova G.Ch.* The Countries of Central Asia: Difficulties on the Path to Rapprochement // Post-Soviet Space. 2020. Vol. 7. № 3. P. 300–311.]

Aleshin A.A. Velikobritaniya–Evrosoyuz–NATO: reorganizatsiya «transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti». М.: Аспект Пресс, 2023. С. 153–223. (In Russ.) [*Aleshin A.A.* Britain–The European Union–NATO: Reorganization of the «Transatlantic Security Space». М.: Аспект Пресс, 2023. 320 p.]

Antonov A.I., Karpova V.M. Sravnitel'nyy analiz demograficheskikh prognozov: otsenka dolgosrochnykh tendentsiy dlya mira i Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2025. № 2. (In Russ.) [*Antonov A.I., Karpova V.M.* Comparative Analysis of Demographic Forecasts: Assessment of Long-Term Trends for the World and Russia // Studies on Russian Economic Development. 2025. № 2.]

Baykov A.A. Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoй Azii / otv. red. A.D. Bogaturov. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с. (In Russ.) [*Baykov A.A.* Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Foreign Europe and Pacific Asia / ed. by A.D. Bogaturov. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 p.]

Bogaturov A.D. Otlozhennyy neytralitet? // Rossiya v global'noy politike. 2010. № 2. С. 25–38. (In Russ.) [*Bogaturov A.D.* Deferred Neutrality? // Russia in Global Affairs. 2010. № 2. P. 25–38.]

Bogaturov A.D., Dundich A.S., Korgun V.G. Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii: sobytiya i dokumenty: ucheb. posobie dlya studentov vuzov / otv. red. A.D. Bogaturov. 2-е изд., испр. i dop. М.: Аспект Пресс, 2014. 560 с. (In Russ.) [*Bogaturov A.D., Dundich A.S., Korgun V.G.* International Relations in Central Asia: Events and Documents: Textbook for University Students / ed. by A.D. Bogaturov. 2nd ed., rev. and enl. М.: Аспект Пресс, 2014. 560 p.]

Bordachev T.V. Tret'e otкрытие Tsentral'noy Azii // Evraziyskie issledovaniya. 2024. № 1. С. 24–42. (In Russ.) [*Bordachev T.V.* The Third Opening of Central Asia // Eurasian Studies. 2024. № 1. P. 24–42.]

Butorina O.V. Evropeyskaya integratsiya: uchebник. М.: Delovaya literatura, 2011. 318 с. (In Russ.) [*Butorina O.V.* European Integration: textbook. М.: Delovaya Literatura, 2011. 318 p.]

Buzan B., Waever O. Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 594 p.

Dadabaeva Z.A., Kuz'mina E.M. Protsessy regionalizatsii v Tsentral'noy Azii: problemy i protivorechiya: nauch. doklady. М.: Institut ekonomiki RAN, 2014. 55 с. (In Russ.) [*Dadabaeva Z.A., Kuz'mina E.M.* Regionalization Processes in Central Asia: Problems and Contradictions: Scientific Reports. М.: Institute of Economics RAS, 2014. 55 p.]

Degterev D.A., Istomin I.A. Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnykh otnosheniy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. Т. 59. № 11. С. 17–30. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-59-

11-17-30. (In Russ.) [Degterev D.A., Istomin I.A. System Modeling of International Relations // World Economy and International Relations. 2015. Vol. 59. № 11. P. 17–30.]

Degterev D.A., Kurylev K.P. Vneshnyaya politika stran SNG: uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2017. 496 s. (In Russ.) [Degterev D.A., Kurylev K.P. Foreign Policy of the CIS Countries: textbook. M.: Aspekt Press, 2017. 496 p.]

Denisov I.E., Safranchuk I.A. Chetyre problemy ShOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. № 3 (48). S. 112–122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122. (In Russ.) [Denisov I.E., Safranchuk I.A. Four Problems of the SCO in Light of the Organization's Expansion // MGIMO Review of International Relations. 2016. № 3 (48). P. 112–122.]

Golovenchik G.G., Kovalev M.M. Tsifrovaya globalizatsiya: mirovye trendy, vliyanie na rost i internatsionalizatsiyu natsional'nykh ekonomik // Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika. 2025. № 3. S. 357–381. (In Russ.) [Golovenchik G.G., Kovalev M.M. Digital Globalization: World Trends, Impact on Growth and Internationalization of National Economies // RUDN Journal of Economics. 2025. № 3. P. 357–381.]

Ilyin M.V., Inozemtsev V.L. Megatrendy mirovogo razvitiya. M.: Ekonomika, 2001. 296 s. (In Russ.) [Ilyin M.V., Inozemtsev V.L. Megatrends of World Development. M.: Ekonomika, 2001. 296 p.]

Istomin I.A. Mirazhi innovatsiy: vklad» tekhnologicheskogo progressa v voennuyu nestabil'nost' // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2020. T. 13. № 6. S. 7–52. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-7-52. (In Russ.) [Istomin I.A. Mirages of Innovation: The «Contribution» of Technological Progress to Military Instability // MGIMO Review of International Relations. 2020. Vol. 13. № 6. P. 7–52.]

Khrustalev M.A. Osnovy teorii vneshney politiki gosudarstva. M.: Universitet druzhby narodov im. P. Lumumby, 1984. S. 13–15. (In Russ.) [Khrustalev M.A. Fundamentals of the Theory of Foreign Policy of the State. M.: Peoples' Friendship University named after P. Lymymba, 1984. P. 13–15.]

Komilova Kh.G. Rol' i mesto integratsionnykh struktur v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v Tsentral'noy Azii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2015. № 4. S. 73–78. (In Russ.) [Komilova Kh.G. The Role and Place of Integration Structures in the System of International Relations in Central Asia // Tomsk State University Journal of History. 2015. № 4. P. 73–78.]

Koraboev I. Ot regional'noy integratsii Tsentral'noy Azii k evraziyskomu integratsionnomu prostranstvu? Menyayushchayasya dinamika postsovetskogo regionalizma // Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya. 2010. № 3. (In Russ.) [Koraboev I. From Regional Integration of Central Asia to the Eurasian Integration Space? The Changing Dynamics of Post-Soviet Regionalism // Eurasian Economic Integration. 2010. № 3.]

Kurylev K.P. Evraziyskaya ideologiya i evraziyskaya integratsiya: monografiya. M.: Aspekt Press, 2025. S. 137–142. (In Russ.) [Kurylev K.P. Eurasian Ideology and Eurasian Integration: monograph. M.: Aspekt Press, 2025. P. 137–142.]

Kurylev K.P., Fil'kevich I.A., Gushchin A.V., Rakhimov K.Kh. Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv: uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2025. 267 s. (In Russ.) [Kurylev K.P., Filkevich I.A., Gushchin A.V., Rakhimov K.Kh. Commonwealth of Independent States: textbook. M.: INFRA-M, 2025. 267 p.]

Lebedeva M.M. Sovremennye megatrendy mirovoy politiki // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. № 9. S. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37. (In Russ.) [Lebedeva M.M. Modern Megatrends of World Politics // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. № 9. P. 29–37.]

Maytdinova G.M. Problemy regional'noy integratsii v geopoliticheskikh realiyakh Tsentral'noy Azii // Rossiya i Tsentral'naya Aziya v usloviyakh geopoliticheskoy transformatsii: vneshnepoliticheskoe izmerenie: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Dushanbe, 28–29 marta 2007 g.). Dushanbe: RTSU, 2007. S. 78–87. (In Russ.) [Maytdinova G.M. Problems of Regional Integration in the Geopolitical Realities of Central Asia // Russia and Central Asia in the Context of Geopolitical Transformation: Foreign Policy Dimension: Proceedings of the International Scientific Conference (Dushanbe, March 28-29, 2007). Dushanbe: RTSU, 2007. P. 78–87.]

Makhmutova E.V. Tsentral'naya Aziya v poiskakh sobstvennoy integratsionnoy modeli // Vestnik MGIMO. 2018. № 4. S. 78–91. (In Russ.) [Makhmutova E.V. Central Asia in Search of Its Own Integration Model // MGIMO Review of International Relations. 2018. № 4. S. 78–91.]

Malysheva D.V. ASEAN i Evrosoyuz kak modeli regionalizatsii dlya Tsentral'noy Azii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 6. S. 103–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-6-103-114. EDN: DCRLUW. (In Russ.) [Malysheva D.V. ASEAN and the EU as Models of Regionalization for Central Asia // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69. № 6. P. 103–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-6-103-114. EDN: DCRLUW.]

Malysheva D.V. Problemy regionalizatsii postsovetskoj Tsentral'noy Azii // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2020. T. 13. № 3. S. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8. (In Russ.) [*Malysheva D.B.* Problems of Regionalization of Post-Soviet Central Asia // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. № 3. P. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8.]

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: WW Norton & Company, 2001. 448 p.

Mearsheimer J., Rosato S. How States Think: The Rationality of Foreign Policy. New Haven: Yale University Press, 2023.

Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1948. P. 136–137.

Mukhsimova D.Kh. Perspektivy razvitiya regional'noy integratsii Tsentral'noy Azii na primere Assotsiatsii stran Yugo-Vostochnoy Azii (ASEAN) // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2015. № 4. S. 273–282. (In Russ.) [*Mukhsimova D.Kh.* Prospects for the Development of Regional Integration in Central Asia on the Example of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) // Economics, Entrepreneurship and Law. 2015. № 4. P. 273–282.]

Naisbitt J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y.: Warner Books, 1982. 290 p.

Novosel'skiy G.Ya., Temkina I.M. Sovremennye traktovki integratsionnogo protsessa v Tsentral'noy Azii: analiz i prognoz // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. 2013. № 1. S. 18–25. (In Russ.) [*Novoselsky G.Ya., Temkina I.M.* Modern Interpretations of the Integration Process in Central Asia: Analysis and Forecast // USPTU Bulletin. Science, Education, Economics. Series: Economics. 2013. № 1. P. 18–25.]

Pritchins S. Tsentral'noaziatskaya integratsiya: ogranichiteli i perspektivy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 69. № 3. S. 63–73. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73. EDN: TFFYFA. (In Russ.) [*Pritchins S.* Central Asian Integration: Constraints and Prospects // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69. № 3. P. 63–73. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73. EDN: TFFYFA.]

Rakhimov K.Kh. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo gosudarstv-chlenov SHOS v oblasti obespecheniya regional'noy bezopasnosti. M.: Rusayns. 2025. 444 s. (In Russ.) [*Rakhimov K.Kh.* International Cooperation of the SCO Member States in Ensuring Regional Security. M.: Rusains, 2025. 444 p.]

Rakhimov K.Kh. Etapy razvitiya integratsionnykh protsessov na prostranstve SNG // Postsovetskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 274–283. (In Russ.) [*Rakhimov K.Kh.* Stages of Development of Integration Pro-cesses in the CIS Space // Post-Soviet Studies. 2018. № 3. P. 274–283.]

Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P. Rol' ShOS v obespechenii bezopasnosti Tsentral'noy Azii. M.: Izdatel'skie resheniya, 2018. 202 s. (In Russ.) [*Rakhimov K.Kh., Kurylev K.P.* The Role of the SCO in Ensuring Security in Central Asia. M.: Publishing Solutions, 2018. 202 p.]

Rakhimov Sh., Rakhmonov A., Yusupov S. Megatrendy v Tsentral'noy Azii v usloviyakh formirovaniya novogo mirovogo poryadka (regionalizatsiya, demograficheskie izmeneniya i tsifrovaya modernizatsiya ekonomik) // Ekonomika Tadjikistana. 2025. № 2. S. 100–114. (In Russ.) [*Rakhimov Sh., Rakhmonov A., Yusupov S.* Megatrends in Central Asia in the Context of the Formation of a New World Order (Regionalization, Demographic Changes and Digital Modernization of Economies) // Economy of Tajikistan. 2025. № 2. P. 100–114.]

Safranchuk I.A. Konkurentsia za bezopasnost' Tsentral'noy Azii // Rossiya v global'noy politike. 2007. № 6. S. 112–121. (In Russ.) [*Safranchuk I.A.* Competition for Security in Central Asia // Russia in Global Affairs. 2007. № 6. P. 112–121.]

Safranchuk I.A., Zhornist V.M., Nesmachnyy A.D., Chernov D.N. Dilemma «sredney derzhavy» v Tsentral'noy Azii: perspektivy gegenonii // Rossiya v global'noy politike. 2022. T. 20. № 3. S. 116–133. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133. (In Russ.) [*Safranchuk I.A., Zhornist V.M., Nesmachnyy A.D., Chernov D.N.* The Dilemma of the «Middle Power» in Central Asia: Prospects for Hegemony // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. № 3. P. 116–133. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133.]

Shakleina T.A. Rossiya i SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: monografiya. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Aspekt Press, 2024. 448 s. (In Russ.) [*Shakleina T.A.* Russia and the United States in Contemporary International Relations: monograph. 3rd ed., rev. and enl. M.: Aspect Press, 2024. 448 p.]

Shakleina T.A., Baykov A.A. Megatrendy: Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke: uchebnik. 3-e izd., ispr., dop. i pererab. M.: Aspekt Press, 2022. 594 s. (In Russ.) [*Shakleina T.A., Baykov A.A.* Megatrends: World Order Evolution in the 21st Century: Textbook. 3rd ed., rev., enl. and updated. M.: Aspect Press, 2022. 594 p.]

Singh S. New Trends. Implications for our Future Lives. London: Palgrave Macmillan, 2012. 278 p.

Sultanov B. Kazakhstan i perspektivy regional'nogo sotrudnichestva v Tsentral'noy Azii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № III (LII). S. 59–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-59-77. (In Russ.) [*Sultanov B.* Kazakhstan and Prospects for Regional Cooperation in Central Asia // Russia and New States of Eurasia. 2021. № III (LII). P. 59–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-3-59-77.]

Talipov F. Tsentral'naya Aziya: teoriya dezintegratsii // Tsentral'naya Aziya – 25: mysli o proshlom, proektsiya budushchego: sbornik esse iz Tsentral'noy Azii. Bishkek, 2017. S. 24–27. (In Russ.) [*Talipov F.* Central Asia: Theory of Disintegration // Central Asia – 25: Thoughts on the Past, Projection of the Future: Collection of Essays from Central Asia. Bishkek, 2017. P. 24–27.]

Tsentral'naya Aziya kak formiruyushchayasya podsystema mezhdunarodnykh otnosheniy: monografiya / pod. red. K.P. Kuryleva. M.: Aspekt Press, 2024. 312 s. (In Russ.) [Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations: Monograph / ed. by K.P. Kurylev. M.: Aspect Press, 2024. 312 p.]

Tsygankov P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. M.: Gardariki, 2007. S. 167–192. (In Russ.) [*Tsygankov P.A.* Theory of International Relations. M.: Gardariki, 2007. P. 167–192.]

Vardomskiy L.B. Strany Tsentral'noy Azii v protsessakh mezhdunarodnoy regionalizatsii // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 2022. № 4. S. 7–22. (In Russ.) [*Vardomskiy L.B.* Central Asian Countries in the Processes of International Regionalization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 4. P. 7–22.]

Vinokurov E.Yu., Libman A.M., Maksimchuk N.V. Dinamika integratsionnykh protsessov v Tsentral'noy Azii // Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya. 2010. № 7. S. 5–32. (In Russ.) [*Vinokurov E.Yu., Libman A.M., Maksimchuk N.V.* Dynamics of Integration Processes in Central Asia // Eurasian Economic Integration. 2010. № 7. P. 5–32..]

Voskresenskiy A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Sravnitel'naya politika. 2012. № 2 (8). S. 30–58. (In Russ.) [*Voskresenskiy A.D.* Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary International Relations // Comparative Politics. 2012. № 2 (8). P. 30–58.]

Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wisely Publishing Company, 1979.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Zhiltsov S.S., Bimenova A. Politika stran Tsentral'noy Azii v oblasti ispol'zovaniya vodnykh resursov transgranichnykh rek // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2015. № 18. S. 90–100. (In Russ.) [*Zhiltsov S.S., Bimenova A.* Policy of Central Asian Countries in the Use of Water Resources of Transboundary Rivers // Central Asia and the Caucasus. 2015. № 18. P. 90–100.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рахимов Комрон Хакимджонович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, руководитель сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран (Москва, Российская Федерация).
E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Рахмонов Абдусамад Зафарджонович, магистр факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ (МГИМО) (Москва, Российская Федерация).
E-mail: 55abdusamad@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komron Kh. Rakhimov, candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, head of the Central Asia Sector of the Center for Post-Soviet Studies (Moscow, Russian Federation).
E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Abdusamad Z. Rahmonov graduate of the Master's programme of the Faculty of International Relations of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University) (Moscow, Russian Federation).
E-mail: 55abdusamad@mail.ru